

В.С. ЖИЛИНСКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ЖАНА КАЛЬВИНА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию режима, установленного Жаном Кальвином в Женеве в середине XVI века. Также исследуется феномен религиозного тоталитаризма в целом. Рассматриваются психологические предпосылки формирования, установления и закрепления тоталитарных режимов. Изучается роль террора и идеологии в установлении тоталитаризма, в том числе религиозного, а также их влияние на определенные стороны человеческой природы.*

Ключевые слова: *религиозный тоталитаризм, кальвинизм, диктатура, свобода воли, веротерпимость, Реформация, протестантизм.*

POLITICAL THEOLOGY OF JOHN CALVIN

Abstract. *The article is devoted to the study of the regime established by Calvin in Geneva in the middle of the XVI century. The phenomenon of religious totalitarianism in general is also investigated. The psychological prerequisites for the formation, establishment and consolidation of totalitarian regimes are considered. The role of terror and ideology in the establishment of totalitarianism, including religious, as well as their influence on certain aspects of human nature is studied.*

Keywords: *religious totalitarianism, calvinism, dictatorship, free will, religious tolerance, reformation, protestantism.*

Исследователи тоталитаризма в основном сходятся на том, что классическими моделями тоталитарных обществ являются режимы, установленные в середине XX века в некоторых европейских странах, в первую очередь, в Германии и Италии. Считается, что до этого построение тоталитарного общества и государства было невозможно с учетом ряда факторов, в том числе, уровня развития научно-технического прогресса. На этом основании предшествующие попытки создания режимов, хотя бы отчасти подпадающих под соответствующие признаки, большинством теоретиков не рассматриваются как примеры тоталитарных государств.

Одним из первых теоретиков тоталитаризма можно назвать Платона с его трудом «Государство», который может восприниматься одновременно как коммунистический, кастовый и тоталитарный проект. Но в то же время описанное Платоном государство нельзя рассматривать как пример тоталитарного общества по той простой причине, что он не был реализован.

ЖИЛИНСКАЯ Валерия Сергеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

История человечества знает варианты общественного устройства, которые по определенным критериям можно назвать тоталитарными. К ним можно отнести разнообразные религиозные диктатуры, которых многие классики теории тоталитаризма отказываются рассматривать как варианты тоталитарного общественного устройства. Правда, существует и противоположная позиция. Некоторые исследователи считают, что диктатура одного из крупнейших реформаторов XVI века Жана Кальвина, построенная в Женеве, по жестокости и всеохватывающей регламентации жизни как общества, так и отдельной личности, не только не уступает Италии Муссолини или Германии Гитлера, но и по определенным моментам превосходит их. «Женевская Республика при Кальвине показала пример такого тоталитаризма и тотальной манипуляции, что по сравнению с нею бледнеют разновидности тоталитаризма XX века» [1].

Такая позиция заслуживает внимания и нуждается в более подробном исследовании в том числе и для ответа на вопрос, можно ли рассматривать в качестве тоталитарных режимов модели общества, созданные до XX столетия. Изучение религиозных диктатур в свете данной задачи представляется нам довольно перспективным. На наш взгляд, диктатура Кальвина наиболее показательна как пример религиозного тоталитаризма.

«Десятилетняя диктатура Кальвина в Женеве отличалась жесточайшим регулированием частной жизни, нравственности и религиозных взглядов граждан, проводились фальсифицированные выборы в стиле... нацистско-фашистских государств. Поскольку республика Кальвина ограничивалась пределами одного города и пригородов, то тоталитаризм мог быть осуществлен достаточно основательно» [2, с. 30].

История власти Ж. Кальвина началась 21 мая 1536 года, с того, что граждане Женевы, собравшись на городской площади, общим голосованием приняли решение узаконить на всей территории Женевской Республики реформистскую религию в качестве единственного и разрешенного вероисповедания.

Любому религиозному направлению, особенно на этапе его зарождения требуются лидеры, способные превратить его из абстрактных идей в основу общественного строя. Для Женевы таким лидером стал Жан Кальвин, хотя и не он стоял у истоков ниспровержения католической веры на территории республики. «Духовному движению всегда необходим гений, который его начинает, и гений, который его завершает. Лютер, вдохновитель, привел Реформацию в движение, а Кальвин, организатор, остановил ее, прежде чем она раздробилась на тысячи сект» [3, с. 57].

Удивительно, что протестантизм, который зарождался как религия свободы, возвышающая человека в его отношениях с богом, оказался потенциально способным принять уродливые формы бесчеловечной диктатуры, свойственные правлению Кальвина. По сути, таким образом учение вырождалось в свою противоположность.

На заре своей деятельности Жан Кальвин позиционировал себя сторонником и защитником религиозной свободы и веротерпимости. Женева с исторически присущим ей свободолюбием вряд ли призвала бы в качестве духовного лидера такого человека, каким он проявил себя позже, — когда получил власть в городе и республике.

* * *

В первом издании своих «Наставлений в христианской вере» [4] Кальвин писал, что преследование еретиков является преступлением, истребление их «огнем и мечом» — это отречение от всех принципов гуманизма. Но добившись власти, он вычеркнул из своего сочинения призыв к веротерпимости и гуманизму. Невероятная концентрация власти, сосредоточившаяся со временем в его руках не была бы возможной, если бы протестантское вероучение сохранило идеалы свободы и веротерпимости, присущие ему в период зарождения и начального формирования. «Тем самым произвол превращается в догму, свобода в диктатуру, душевный подъем — в жестокую духовную норму» [3, с. 58].

Десятилетнее правление Кальвина характеризуется жесточайшей регламентацией не только духовной, но и частной жизни граждан. Женевская Республика включала в себя территорию самого города Женевы и его окрестностей, а потому Кальвину удалось с должной основательностью установить и осуществить тоталитарное управление и полный контроль.

Свою деятельность на посту главы города он начал с написания трактата «Исповедание веры». В трактате описывалась структура женевской общины, обозначались обязанности проповедников, учителей и церковных старейшин. Кальвин отвергал классическую церковную иерархию с епископами и кардиналами, не говоря уже о верховном понтифике. «Исповедание» предписывало жителям Женевы придерживаться аскетизма во всех сферах жизни. Поначалу городской совет отнесся к новым правилам довольно благосклонно. «Эта простота подкупала. В реформированной церкви она проявлялась во всем: новый проповедник рекомендовал отказаться от бытовой роскоши, не носить богатых одежд, не чревоугодничать, почетным считалось много трудиться, жить бережливо и без конца молиться. Из церквей удалили все иконы, кресты, сняли колокола. Отменили все праздники, даже Рождество и Пасху» [5]. Представителей совета смутил лишь пункт об обязательном еженедельном причастии, к которому могли не допускать «согрешивших». Они должны были либо понести наказание, либо изгоняться из города. Совет потребовал компромисса, согласно которому причастие должно было проводиться не каждую неделю, а раз в три месяца. Таким образом, с благословения городского совета жизнь церковной общины, состоявшей из всех жителей Женевы, была жестко регламентирована. Горожан обязали присягать на верность новому катехизису, с которым отныне им предстояло согласовывать каждый свой шаг.

Легко представить, насколько быстро последовали первые нарушения данного свода правил и наказания за них. Это вызвало недовольство и обновленного городского магистрата, и жителей города. Вскоре после инцидента во время Пасхальной службы 1537 года Кальвин вместе со своим главным последователем Гийомом Фарелем был изгнан из Женевы. После этого он обосновался в Страсбурге, прославившемся веротерпимостью и религиозными диспутами. Благосклонно принятый Кальвин создал в городе французскую общину и ввел в ней «женевские правила». Его лекции имели большой успех, и вскоре ему было даровано гражданство Страсбурга.

Тем временем в отсутствие Кальвина в Женеве начались беспорядки. Сторонники изгнанного лидера пугали горожан перспективой возвращения к власти католиков, тем более, что к этому имелись реальные основания. Напуганные перспективой хаоса и возвращения католицизма женевцы призывали Кальвина обратно. Однако тот не спешил уступать покорным и униженным просьбам жителей Женевы, выжидая в течение года и добиваясь того, чтобы не просто вернуться в Женеву, а, возвратившись, обрести там, по сути, ничем не ограниченную власть. «Но чем более затягивал Кальвин с возвращением, тем сильнее и фанатичнее Женева стремилась вернуть его. Он стал ее мифом, легендарным героем, власть которого над умами росла все сильнее. Женевцы вновь клялись исполнять его „катехизис“, обещали повиноваться дисциплине и когда он, наконец, дал согласие вернуться, весь город раболепно простерся у его ног. 13 сентября 1541 года, спустя всего лишь три года после изгнания, Кальвин вошел в Женеву триумфатором, полноправным хозяином и законодателем» [5].

С момента его возвращения в Женеву начинается один из самых страшных социальных экспериментов всех времен. По замыслу Кальвина живое человеческое общество должно было стать застывшим механизмом. Он жаждал полной унификации и безоговорочного подчинения ради воплощения того, что кажется ему созданием Царствия Божия на земле.

подавив остатки сопротивления в городе, Кальвин превратил Женеву в основной центр европейской Реформации, а сам сделался «женевским папой» и был повсеместно признан главой протестантского движения. С момента возвращения Кальвина в городе над всем господствовала только его воля, подкрепляемая узаконенным безжалостным насилием. «Любая диктатура немислима и невозможна без насилия. Кто хочет сохранить власть, должен иметь средства принуждения, кто хочет повелевать, должен в то же время обладать и правом карать» [3, с. 66].

Изначально действенным орудием диктатуры Кальвина стало право отлучать нарушителей правил от причастия: «...он превратил эту ужасную угрозу в почти регулярное наказание и, как психолог, точно определивший результат воздействия террора, неизмеримо увеличил свою личную власть с помощью страха перед этим наказанием» [3, с. 64].

Подобное наказание для христиан того времени страшно само по себе, но в кальвиновской Женеве духовные страдания от отлучения дополняются весомыми социальными последствиями. Отлученный как бы исключался из общества и становился изгоем. Никто не имел права разговаривать с ним, покупать и продавать, совершать прочие деловые сделки. По сути это означало гражданскую смерть. Если же отлученный продолжал упорствовать в своем «грехе» и отказывался принести публичное покаяние, он высылался из города. Однако сколь бы суровыми ни казались такие меры, вскоре оставшиеся жители города имели все основания позавидовать участи изгнанных.

Постепенно женевцы начинают понимать, что за новый порядок им приходится расплачиваться собственной свободой, личными и гражданскими правами. В начале диктатуры, пока сознание и совесть людей еще не полностью поработаны, сопротивление имеет определенную силу. В городе с давними республиканскими традициями нашлись люди, заявляющие, что не позволят пришлому французскому проповеднику отчитывать себя, «будто они уличные разбойники». В ответ Кальвин, не задумываясь, пускает в ход более действенные и страшные орудия террора.

Для неукоснительного следования гражданами всем параграфам «Наставлений» Кальвином учреждается консистория: особый орган, в задачи которого входит тотальный контроль частной и общественной жизни и слежка за горожанами. Основная функция консистории формулируется предельно расплывчато — «наблюдать за общиной, чтобы по-настоящему чтить Бога». Однако ошибкой было бы считать, что сфера деятельности консистории включала лишь религиозные аспекты. Строя «град Божий» на земле, Кальвин не отделяет мирского от небесного, считая, что даже мельчайшие аспекты земного существования человека влияют на его отношения с Богом, а следовательно, нет ничего, что должно быть исключено из сферы внимания наблюдателей учрежденной им консистории. В этом плане он обошел даже проклинаемую протестантами католическую инквизицию.

От людей требуется не только безукоризненное знание Священного Писания, посещение всех проповедей Кальвина и выражение мнения, строго соответствующего кальвиновской трактовке святых текстов. Этим отнюдь не исчерпывается вмешательство в частную жизнь горожан. В любое время дня и ночи смотрители из консистории могут пожаловать к ним «в гости», и тот, кто откажется впустить их, априори будет объявлен виновным. «...Эта полиция нравов вмешивается во все. Она ощупывает женские платья: не слишком ли они длинны или коротки, нет ли на них лишних оборков и рискованных вырезов; она осматривает прическу: не чересчур ли замысловато она сооружена, и пересчитывает кольца на пальцах и туфли в шкафу. Из комнат идут к кухонному столу — не готовится ли супчик или кусок мяса сверх единственного дозволенного блюда, не спрятаны ли где-нибудь сладости или варенье... Они влезают в книжный шкаф: нет ли там какой-нибудь

книги без штампа августейшей цензуры консистории. Они роются в ящиках: не спрятаны ли там икона или четки. Они выспрашивают слуг о господах, детей — об их родителях» [3, с. 83–84].

Жизнь людей была чрезмерно детально регламентирована, вплоть до самых незначительных бытовых мелочей. А потому даже при самой искренней, крепкой вере и стремлении к праведности, было совершенно невозможно хоть в чем-то, да не нарушить строжайших предписаний сочиненного Кальвином устава.

Кальвин постарался запретить все или предельно ограничить все, что придает земной жизни человека хоть малейшую радость. Были запрещены все увеселения, театры, любые танцы и игры, даже катание на коньках. Упразднены были не только народные праздники, но и традиционно христианские торжества, такие как Пасха или Рождество. Портные не имели права шить одежду без специального разрешения магистрата. Девушкам младше пятнадцати лет нельзя было носить шелковые платья, старше пятнадцати — бархатные. Был наложен запрет на кружевные чепчики, рюши, перчатки, ботинки с разрезом. Были запрещены любые ювелирные украшения из драгоценных металлов, а также одежда с золотым и серебряным шитьем, золотые пуговицы и пряжки. Мужчинам запрещалось отращивать волосы, женщинам — завивать их. Даже в плане еды Кальвин ввел строгие ограничения. Запрещено было подавать на стол дичь, птицу, паштеты, тем более любые сладости, компоты, варенья; пить за чье-либо здоровье, дарить подарки молодоженам на свадьбе, а через шесть месяцев после свадьбы даже супруги не имели права дарить что-либо друг другу. Жители города были лишены права переступить порог гостиниц. Хозяева гостиниц и трактиров не могли обслуживать постояльцев, пока те не прочтут предписанных молитв; а также им в обязанность вменялось шпионить за постояльцами и доносить на них. Горожане больше не были свободны выбирать имена для собственных детей при крещении. Веками бытовавшие имена находились под запретом, лишь потому, что они не упомянуты в Библии. Вместо них навязывались библейские имена, такие как Адам или Исаак.

Судить о том, сколь строгим был устав и как неукоснительно он соблюдался, можно на основании протоколов консистории и совета. «Один горожанин улыбнулся во время обряда крещения, — три дня тюрьмы. Другой, утомленный летней жарой, заснул во время проповеди, — тюрьма. Рабочие ели на завтрак паштет, — три дня на воде и хлебе. Два других поспорили на четверть вина, — тюрьма. Один человек отказался окрестить своего сына именем Авраам, — тюрьма. Слепой скрипач играл музыку для танцев, — изгнан из города. Другой горожанин хвалил перевод Библии, выполненный Кастеллио, — изгнан из города. Девушку уличили в катании на коньках, женщина бросилась на могилу своего мужа, горожанин во время богослужения предложил своему соседу щепотку табаку, — вызов в консисторию, строгое предупреждение и покаяние» [3, с. 89].

Вершиной жестокости и произвола Кальвина принято считать сожжение Мигеля Сервета. Это деяние вызвало наибольший резонанс среди современников и осталось в веках. Однако при всей чудовищности злодеяния нельзя лишь по нему одному судить о том, что творилось в Женеве во время десятилетней диктатуры. Жертв было неизмеримо больше, хотя в истории они поименно не сохранились. «Уже за первые пять лет господства Кальвина в относительно небольшом городе тринадцать человек были повешены, десять обезглавлены, тридцать пять сожжены, кроме того, семьдесят шесть изгнаны из своих домов... Вскоре все темницы в „Новом Иерусалиме“ были настолько переполнены, что комендант вынужден был сообщать магистрату, что он больше не может принимать новых заключенных. Не только приговоренные, но и просто подозреваемые подвергаются столь ужасным мучениям, что обвиняемые предпочитают кончать жизнь самоубийством» [3, с. 88].

* * *

При детальном рассмотрении положения, сложившегося в Женеве в годы правления Ж. Кальвина, можно прийти к выводу, что там был установлен и поддерживался именно тоталитарный режим во всей его силе, жестокости и неприглядности. Следовательно, тоталитаризм в мире появился задолго до XX века. До возникновения таких средств массовой информации, как радио, установление подобных форм правления технически возможно лишь на небольших территориях, которые легко и контролировать, и подвергать террору. Женева при Кальвине или Флоренция при Савонароле — яркие тому примеры.

Однако наибольший научный интерес представляет вопрос — каким образом общество позволяет затянуть себя в тоталитаризм? Почему люди не оказывают сопротивления тирании, почти добровольно жертвуют своими свободами? «И невольно спрашиваешь себя: как же могло случиться, чтобы республиканский город, на протяжении десятилетий живший ... свободой, вынес подобную Савонаролову диктатуру, как мог южный веселый народ терпеть подобное удушение радостей жизни? Как смог один-единственный аскет-интеллектуал лишить радости бытия тысячи и тысячи? Не следует заблуждаться: насилие, которое ничего не страшится, которое высмеивает как слабость любое проявление гуманности, — ужасающая сила. Систематически продумываемый, деспотически проводимый террор парализует волю единиц, ослабляет, подтачивает любую общность. ...Всеобщая трусость вскоре становится ему помощником и укрывателем, потому что, если каждый чувствует себя подозреваемым, он начинает подозревать и других, а устрешенные из страха с еще большим рвением стремятся следовать за приказаниями и приказам своих тиранов...» [3, с. 87].

Неусыпный тотальный контроль и террор постепенно разрушают внутреннее достоинство как отдельного человека, так и общества в целом. Массовый страх со временем заражает и самых мужественных граждан. Воля

к самоутверждению ослабевают в безнадежной борьбе. Любой человек постоянно чувствует себя подозреваемым, а потому начинает подозревать других, спеша донести на ближнего, чтобы хоть на время отвести подозрения от себя.

Безусловно, террор, массовые репрессии и запугивание делают свое дело, подавляя волю людей и превращая большинство из них либо в жертв, либо в пособников режима. Все же было бы ошибкой учитывать только внешние факторы, способствующие установлению и поддержанию тоталитарных диктатур.

Очень важно понимать, на какие внутренние механизмы в сознании и психике человека опираются диктаторы. Очевидно, что используя религию и ее догматы, легче поработить сознание, нежели с помощью строгой логичности научных постулатов. Чем проще аргументация, тем она действеннее. Потому века спустя люди с энтузиазмом будут принимать за чистую монету лженаучные теории о расовом превосходстве и исторической миссии истинных арийцев. Поработать людей, сковывая их волю с помощью религиозных догматов еще проще, ибо они традиционно считаются не требующими доказательств. Вопрос лишь в убедительности и харизматичности диктатора. А в этих качествах Жану Кальвину не откажешь. Более того, рассматривая его деятельность, сочинения, записи и свидетельства современников, можно прийти к выводу, что сам он с искренним фанатизмом верил как в непреложную истинность своих концепций, так и в правильность методов их воплощения в жизнь.

Кальвин искренне ненавидел любую свободу, считая ее не божьим даром, а скорее проклятием рода человеческого. Грехопадение сделало природу людей порочной, и лучшее, что можно сделать для этих испорченных созданий, — предельно ограничить любые проявления свободной воли, загнать их в рамки, где они просто не смогут грешить, и тем самым спасти их души. «Тот, кто рассматривает человека в философском смысле как подобного рода неудачное и нелепое создание Бога, будучи богословом и политиком, разумеется, никогда не согласится с тем, что Бог предоставил такому чудовищу хотя бы малейшую степень свободы и самостоятельности. Значит, такое существо, испорченное и подвергающееся опасности из-за своей жажды жизни, следует безжалостно взять под опеку, ибо если человека предоставить самому себе, душа его способна только на зло... Чем суровее ломают это своеволие, чем больше человека подчиняют и обуздывают, тем лучше для него. Только не давать никакой свободы, потому что человек всегда будет злоупотреблять ею!» [3, с. 82].

Жители Женевы добровольно и даже с охотой принимали столь жесткие «правила игры» и с энтузиазмом повиновались им, по крайней мере, поначалу. Надо отметить, что подобный социально-психологический феномен присущ практически всем тоталитарным режимам. Более того, его демонстрировали все участники экспериментов по моделированию локального тоталитарного общества.

* * *

Почему у людей находит положительный отклик система жестких ограничений, подкрепленных наказаниями? Почему они приветствуют ограничение собственной свободы? Часть психологов считает, что для многих свобода сопряжена с необходимостью постоянно делать выбор и нести за него ответственность. Жесткая регламентация всех сфер жизни освобождает человека как от выбора, так и от последующей за ним ответственности, которая, таким образом, перекладывается на плечи государства, властителей, представителей церкви и тому подобное. А суровые наказания за нарушения мешают человеку уклониться от того, что он готов воспринимать как свой долг. В итоге люди начинают испытывать нечто вроде благодарности к нависшему над ними мечу, подспудное присутствие которого помогает им следовать правилам.

Истоки подобного восприятия можно отыскать уже в Новом Завете: «...ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Послание к Римлянам 13:4).

Людей веками приучали к мысли, что им крайне сложно собственными силами сдерживать дурные проявления человеческой природы, испорченной первородным грехом. Свобода воли воспринималась, скорее, как обременение, нежели как благо. А страх наказания служил мотивацией. Таким образом, феномен одобрения суровых правил и наказаний основан на нежелании прилагать сознательные усилия для познания того, что именно является хорошим или дурным, а также задействовать свободную волю для следования тому, что считается правильным. Отказ от свободы равен отказу от ответственности как за сами действия, так и за их последствия.

Кроме того, сам по себе культ дисциплины и аскетизма связывается в христианской традиции с праведниками. Реформация отказалась от поклонения святым, но фанатично склонялась перед праведностью, при этом уделяя куда больше внимания аскетизму и самоотречению праведников, чем делам, совершаемым во благо ближнего. В целом протестантам присуща опора скорее на суровые догматы Ветхого Завета, нежели Нового, утверждающего ценности любви, милосердия, прощения.

Под влиянием Ж. Кальвина и других идеологов Реформации протестанты фанатично поддерживали самые строгие правила жизни, причем не только и не столько в отношении себя, сколько в отношении других. Внимательно следить за ближним стало одним из проявлений христианского долга перед господом: «...святые, чувствуя себя передовым отрядом божественного воинства, которое призвано Всевышним для защиты веры, настаивали на всеобщем следовании вытекающим из религиозных обязательств нормам. Самодисциплина праведников дополнялась универсальным насильственным навязыванием дисциплины со стороны светских властей» [6, с. 23].

У Кальвина идеи тотальной регламентации и контроля жизни христианина доходят до полного абсолюта. «Ему совершенно недостаточно, что учение сформулировано, ибо вместе с тем все же для каждого отдельного человека сохраняется некоторая свобода выбора: подчиняться ли учению и если да, то в какой степени. А Кальвин никогда и ни в коей мере не терпит свободы в делах веры и жизни. Он не соглашается отдать внутреннему убеждению человека ни пяди свободного пространства в религиозных и духовных делах; по его представлению, церковь не только имеет право, но и должна силой навязывать всем людям авторитарное повиновение и неумолимо наказывать даже элементарное равнодушие» [3, с. 62].

Жан Кальвин, подобно последующим тоталитарным диктаторам, убеждает подвластных ему людей в том, что свобода вредна и опасна. И вот они уже сами готовы быть связанными и жить в постоянном страхе, веря, что такие меры приведут в конечном счете к спасению души, важнее которого для человека того времени нет практически ничего. Люди перестают верить в себя, в возможность достигнуть спасения собственными силами, в то, что свобода воли — дар божий. Всем и каждому внушается мысль о собственной слабости и порочности, и люди, принимая этот догмат за аксиому, покорно отдают во власть тиранов не только тела, но и сознание.

Люди снова и снова показывают, что не готовы склоняться перед теми, кто проповедует терпимость, справедливость, уважение свободы и человеческого достоинства. Куда чаще и проще массы покоряются одержимым, провозглашающим свои идеи как единственно возможную истину, а свою волю — как непреложный закон. Основываясь на этих свойствах индивидуального и массового сознания к власти приходили Савонарола, Кальвин, Муссолини, Гитлер и другие, им подобные. И именно такой взгляд человека на себя и общество следует искоренить, чтобы не допустить повторения тоталитарных диктатур прошлого.

Список литературы

1. Первушина В.Н., Савушкин Л.М. Тоталитарный феномен власти и его типология // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2018. № 2.
2. Пospelовский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедания. М., 2003.
3. Цвейг С. Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина. М., 1986.
4. Кальвин Жан. Наставление в христианской вере / пер. с фр. А.Д. Бакулов. В 3-х томах. Москва: Издательство РГГУ, 1997.
5. Филатова Н.В. Жан Кальвин: диктат ради свободы. М, 2019.
6. Стародубровская И. Исламская реформация: эвристическая ценность подхода. Государство. Религия. Церковь. № 3(35). 2017.